

НАТАША, ДЕВОЧКА ИЗ ГЖАТСКА

Письма и воспоминания

Анна Горфункель

**Наташа, девочка из Гжатска.
Письма и воспоминания**

«Издательские решения»

Горфункель А. М.

Наташа, девочка из Гжатска. Письма и воспоминания /
А. М. Горфункель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852289-5

Книга посвящена жизни и личности главной ее героини — Наталье Алексеевне Орловой. Судьба ее сложилась неординарно для россиянки, но была счастливой, достойной, наполненной активной, интересной и полезной деятельностью, жаждой помогать людям, болеть за две Родины. Книга основана на письмах и воспоминаниях.

ISBN 978-5-44-852289-5

© Горфункель А. М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Детство	8
Юность	10
Этюды юности	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наташа, девочка из Гжатска

Письма и воспоминания

*Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни!*

Н. Некрасов.

Составитель Анна Михайловна Горфункель

Редактор Людмила Павловна Горфункель

Верстка Павел Талгатович Бариев

ISBN 978-5-4485-2289-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»...

Передо мной старые письма сестры Наташи. В течение 25 лет (с 80 – х до 2007) она посылала их не реже 2 – 4 – х раз ежемесячно, я и моя семья ждали их с нетерпением, с большим интересом читали. И вот накопилось их около 1000! Радуюсь, что сберегла и теперь могу подарить большую часть их содержания для нашей семьи, для всех родных, для друзей, для «Родословной» (будущим поколениям). Сама Наташа была сначала против моей «затеи», предлагала сжечь, мол, никому это не интересно.

У меня (Анны, старшей сестры) началась безмятежная жизнь: профессиональную работу закончила 2 года назад (педагогический стаж 54 года), малышей, с которыми я ежедневно общалась (это дети сына – Марк и Павлик), увезли в Москву, а мне – 80 лет. Жизнь моя последние годы ещё и комфортная: живу одна, в шикарной квартире, тем более, по сравнению с началом нашей с П. Л. жизни в Ижевске – в общежитии (комната в деревянном бараке, 16 м. на 4 – х человек), да и на протяжении всех (более 40) лет таких условий, как последние 7 лет, не было. Благодаря сыну и постоянной заботе всех детей и внуков я могу беззаботно отдыхать. Но такое состояние тоже опасно и для здоровья, и для настроения. Спасенье, как известно, в решении новых задач, в достижении новых целей, в полезном, интересном, ежедневном деле. Оно у меня было эти годы – спасибо письмам сестры!

Дети, как всегда после кончины своего отца (П. Л.), позаботились и об этом: сын придумал и дал деньги на компьютер и Интернет, а внук (Павел) – наш психолог и специалист по КИ¹ – купил, установил и терпеливо учит меня.

И теперь я ежедневно общаюсь с уехавшими – далеко! – родными и работаю с письмами сестры: классифицирую их по темам, делаю выборки. Убеждаюсь, что снова проживу жизнь вместе с сестрой и всеми нами любимым её супругом – Франтишком! Это же такое счастье! Верю, что «эти воспоминания» интересны не только для меня! Тем более, и Наташа, и Франтишек пользовались большим уважением и авторитетом у всех нас.

В эти дни по ТВ идёт передача Басилашвили «Странствия по минувшим годам» – с каким упоением он вспоминает, рассказывая нам. Значит, меня тоже ожидает такое состояние! Буду с удовольствием проживать его, только бы не подвело здоровье. Укрепляю его изо всех сил с 44 лет, когда врачи поставили мне диагноз – воспаление мозговых оболочек (от этого умер мой родной отец в 27 лет!) и отправляли меня на пенсию по инвалидности... Преодолела – помогло систематическое лечение в течение 10 лет и работа над собой (подвижный образ жизни)...

Я понимаю – писать о другом – это большая ответственность. Когда Раневскую спросили, будет ли она писать об Ахматовой, она сказала: «А. А. меня не просила... и опасно... навязать свой взгляд». Но меня спасают письма, т.е. автор – сама сестра. Правда, (повторяюсь) она не поддерживает меня в моих намерениях. Скромности ей не занимать – это гены наших родителей, они были очень уважаемыми тружениками и людьми, но всегда держались в тени. Да и время было такое: «Я» – на последнем месте, и нас в этом убеждали. Кстати, Раневская считала, что скромность – это недостаток (я с ней согласна – когда не в меру).

Моя работа будет в жанре – биография, но «историческая» последовательность не всегда будет соблюдаться: и сестра, и я в своих письмах, как правило, не указывали год (это оказалось большим минусом!). Главным будет личность, её черты и их проявление в разных сферах жизни. Самое интересное и значимое – это отношение к жизни, ЧТО она любит, за ЧТО пере-

---

¹ Компьютер и интернет.

живает (о чём льёт слёзы), о чём жалеет, КАК ранжирует жизненные ценности... Надеюсь, что сестра мне поможет, как помогала она всю нашу жизнь! Тем более, когда она приехала к нам в Ижевск в 2005 г. (мы встречались раз в 2 года), я упростила её почитать свои письма, хотя бы некоторые. Наташа послушалась (на моё счастье!), заинтересовалась, «смирилась» с моим желанием и даже десятка три писем взяла в Прагу («почитаю своим») ... В 2007 г. мы переписывались по Интернету, 2—3 раза в неделю! Наташа отвечала на мои вопросы (правда, не на все) и планировала всё обсудить, дополнить и редактировать в следующий приезд (лето 2007 г.) ... Но... пришлось всё делать мне. Конечно, уровень иной: я не филолог, один ум, а не два... Но, кто кроме меня? Работа над письмами сестры даёт мне силы... Верю в благосклонность читателей...

Детство

...Из писем Наташи: Раз занялась воспоминаниями: всё детство просила купить и научить кататься на коньках и на велосипеде. У нас с тобой ведь никогда не было даже детского велосипеда. А как же научились кататься другие дети? Кто – то же их учил или в каких – то кружках учили? Как же мы прожили и не умеем ни на коньках, ни на велосипеде? Мои внучки не могут мне поверить, Люцка считает, что это всё равно как если бы я сказала, что не умею читать. Всю жизнь я любила танцевать, в 3 – м классе с подружкой записались в балетный кружок, от первого занятия пришла в восторг, но на втором сказали, что нужно принести трико и балетные тапочки. Подружка (я её всё время жалела, что они «бедные», живёт только с мамой, отец погиб, мама – учительница начальных классов) трико и тапочки принесла и продолжала заниматься, а мне ничего не купили, так всё и закончилось с балетом. Я, наверно, всю эту ерунду помню потому, что здесь детей буквально заваливают подарками, особенно на рождество. Всё, чего бы ребёнок ни пожелал, он получил под ёлкой и ещё в сто раз больше (тоже не вижу в этом ничего хорошего). А я каждый раз вспоминаю: а я вот хотела всего – то только... (санки, куколку, шапочку, как у Нади, чернильницу, как у Игоря). ...Совсем другое было в Тафуине (*это на Дальнем Востоке, куда послали отца в 1939 г, он был директором школы, учителем истории, – по призыву к интеллигенции*) – это работа «Тимуром», мы буквально «лезли из кожи», чтобы помочь семьям фронтовиков. Гайдару впоследствии я помогала с чешским яз. и рассказала ему, как мы использовали книгу его отца. Ну вот, пока всё... А я (Аня – старшая дочь) была довольна своей жизнью. Может потому, что с 3 – х лет много общалась с двоюродным братом и его семьёй (по родному отцу, который умер, когда мне было несколько месяцев). С ним интересно было играть и слушать его игру на фортепиано. Меня там всегда ждали, ласкали. Дружила я с бедной девочкой, она научила меня шить куклы, это занятие очень увлекало нас. С соседскими детьми мы каждый вечер играли во дворе – прятки, догонялки, качели, зимой – санки, лыжи, коньки... И ещё – родители пробовали меня приобщить к музыке, пению, танцам – по советам родителей брата, т.е. моих тёти и дяди (он были известными врачами в нашем родном г. Гжатске – позднее – Гагарин). Но попытки были краткими, с обеих сторон не хватило, наверно, последовательности и желания. Родители дома бывали мало (вечерами репетировали и играли в народном театре), нами занималась няня. Она была одновременно нашей бабушкой, мамой, домохозяйкой (я её помню, как самого близкого старшего друга, мы друг другуверяли «тайны») ... И так до отъезда в ВУЗ (в Ленинград, в 18 лет) я жила школьными делами, друзьями, проблемами, связанными с ВОВ (1941 – 1945 гг.). Учились мы с сестрой отлично, а родители занимались работой – её у них всегда было «сверх головы» – не до нас...

Уже по этим воспоминаниям вижу, мы с сестрой в детстве были противоположными: по желаниям, по критичности ума, по оценке людей. Она выше меня по всем этим способностям. А оценивались они в нашем детстве иначе. Моя удовлетворённость, терпимость, послушность одобрялись, ставились в пример. Сестру же считали упрямой, непокладистой, колкой. И наказывали её из – за этого. Я её иногда доводила обидными словами, а она – драчливыми действиями. В детстве ссорились мы нередко, но и жалели друг друга. А со старших классов школы – стали самыми близкими, настоящими друзьями, и всю жизнь сестра помогает, заботится обо мне и моей семье!

В юности все черты детства у сестры «превратились» в ценные качества: настойчивость, принципиальность, независимость. И сестра всегда пользовалась большим авторитетом, уважением, любовью среди друзей, коллег, родных, у родителей. Последние гордились своей дочерью, любили её мужа, как сына, всю её семью, всех чешских родных. А, как показала жизнь,

недостаточность внимания наших родителей к своим детям, повлияло и положительно, особенно, на сестру: она стала самой заботливой мамой и бабушкой!

А в начале лета 2007 г. Наташа добавила в очередном письме (в ответ на моё): С добрым утром, дорогая. О детстве: а я как раз и не помню, что папка меня наказывал, помню, что не за то, что я была непослушной, а за то, что рассердившись на тебя, говорила тебе: а ты нам не родная (вот свинья!), за это бил ремнём и правильно делал. Наказаний никогда не вспоминаю, может быть, как раз потому, что понимала, что – за дело. А вот помню только, что ни одно моё желание – ни одно! за всю детскую жизнь! – не было выполнено. А желания были: санки, самые простые, как у всех, а не голубые с двумя дощечками, третья была сломана. Я так всем завидовала, что катаются, а мне было стыдно выйти со своими санками, над ними смеялись. Очень хотела маленькую куколку и к этому – как у всех подружек – посудку маленькую, кроватку и др. мелочь. А нам папа привёз большие куклы, с которыми нельзя было играть. С 1 – го класса просила платье синее в белый горошек. Наконец, купила такое на 1 – м курсе в ин – те со стипендии. Всё детство носила длинные платья и пальто, «чтобы хватило на 10 лет», просила хотя бы подшить, нет, велели так и носить. Всё время выглядела, как «детдомовка». Перед поездкой в лагерь остригли наголо, помню, что умоляла не стричь, думала, что не только не поеду в лагерь, но и брошусь под поезд. И ещё таких примеров очень много, очень жаль, что помню всё. Помню, наверно, потому, что все детские желания выполнила: в горошек у меня (люблю до сих пор) не только платья и блузки, но и полотенца и постельное бельё. А с куклами наигралась досыта с Люцкой и Мадленкой. Только ты выполнила моё желание: к выпускному вечеру в ин – те послала мне крепдешиновый (первый в жизни) материал на платье. В нём я была и на своей свадьбе. На выпускном вечере в школе была единственная в чёрном (!), все остальные девочки – в белых. А у нас был только такой материал, а новый не купили. Могла бы ещё писать очень много, если надо, напишу. Пока, до след. письма. Н.

Юность

Воспоминания Клары Алексеевны Лизовской – подруга, заслуженная учительница, ветеран труда, Минск.

...В Псков Наташа, как и я, попала случайно. Мы приехали в Ленинград, в Герценовский пединститут. Но в 1948 г. демобилизовали молодых со средним образованием фронтовиков – и они ринулись в пединституты и другие вузы, и их приняли с любыми оценками, лишь бы пришли на экзамен и был документ о среднем образовании. И вот мы, сдавшие экзамены на «пятерки», кроме одной «четверки», не были приняты. Нам предлагали вузы другого профиля, мы не хотели. Там сидела представительница Псковского пединститута – набирала почти отличников. Я сначала возмутилась: «В такую дыру?! «Ревели все. Но потом... И мы сдали документы. Я поехала домой – в Пярну Эстонской ССР, где служил тогда отец начальником политотдела 30 – го корпуса, который освобождал Ленинград и участвовал в Параде Победы. Он сказал, что переведёт меня из Пскова в Ленинград, и я поехала в Псковский пединститут. Он размещался в дореволюционной учительской семинарии. Жили мы в общежитии в старой деревянной школе барачного типа, в 2—3 – х км. от института, ходили пешком. На первом курсе жили в актовом зале (около 60 человек!), сплошные кровати и между каждой парой – тумбочка, одна на двоих, узкие проходы. Лампочка под потолком горела всю ночь: всегда кто – то что – то делал, приходили, кто когда хотел. Одолевали клопы. Все приспособились: полночи все спали на одной стороне – клопы к ним, полночи на другой – клопы добирались до своих жертв только к утру. Пора вставать. На всех одна кухня. Завтрак =? обед – в студенческой столовой – всё без мяса, винегрет. Рядом был ресторан – комплексные обеды (34 коп.) – всё то же – тощее, но чистенько. Потом он освободился от студентов... Нам с Наташей было ещё хорошо – мы сразу получили стипендию, а после первой сессии – повышенную. С Наташей я попала в одну группу, но в разные по иностр. языку. Я – немец. язык, в школе его преподавала настоящая немка – мне хватило знаний на весь первый курс. Я опоздала к 1 сентября, и меня исключили из списков. Но я была смелой девушкой – прямо к ректору, ему это понравилось, и он взял меня. Направили в общежитие, но без места... Сдвинули 2 кровати, и я спала между ног двух студенток... Набралась вшей... еле избавилась. Потом, зимой кого – то отчислили, и я получила место. В умывальнике вода только холодная. Очередь. Вставали пораньше, мылись до пояса... Со 2 – го курса мы жили с Наташей в одной комнате – 17 человек, никаких столов и стульев, туалет, конечно, на улице. Он до сих пор мне снится в кошмарных снах: света не было, собирались по несколько человек, со спичками... На ногах резиновые боты, в них туфли, а у многих только туфли на всю зиму, а грязь, снег... Утром бегом на лекции, потом допоздна – в библиотеке. К нашему счастью в институте было немало хороших преподавателей, тесно связанных с Ленинградом: наша любимая Софья Менделевна Глускина (история русского и древнерусского языка). До сих пор для меня нет ничего интереснее! У меня есть «Избранник», я его до сих пор перечитываю. С. М. была образцом не только в своём предмете, но и высоконравственным человеком. Она не представляла, как мы можем чего – то не знать, слукавить, что – то не исполнить. Она нас не отчитывала, только посмотрит своими библейскими глазами – и всё ясно. Мы любили её беззаветно, и очень многие занимались в лингвистическом кружке.

Мы приглашали Камберского, прототипа Кораблёва из «Двух капитанов» Каверина, он до нас преподавал в ин – те, в частности, у моего мужа, который учился на год раньше. И ещё мы приглашали опального Творогова, большого знатока древнерусской истории и литературы. Он был до войны репрессирован, на Соловках отморозил ноги, ходил очень плохо, строгое лицо римлянина, седые длинные кудри, бедно одет, но при бабочке. Жил он в коморке при

«Поганкиных палатах», где был музей. Когда встречали его в городе, он сильно волновал наше воображение.

Творогов доказывал, что «Слово о полку Игореве» написано стихами, у него были целые таблицы. И вот мы пришли к нему в хибарку и пригласили в институт на заседание кружка. Это был большой риск, но мы об этом не думали. Он пришёл со своими таблицами, но у него от всего перенесённого была нарушена речь, и понять его было непросто. Когда читаю старые русские произведения под редакцией Д. Лихачёва, кумира нашего времени, и нахожу комментарии и подготовку текста Творогова, очень радуюсь – мы его знали! Он выстоял!

Нашим куратором был Павел Семёнович Рейхман.

Была у нас прекрасная преподавательница русской литературы 19-го века Мария Титовна Ефимова, преподавал политэкономия Дувидович, тоже большой дока в своём деле.

Ещё был эпизод: нам не читали логику, но обязали сдавать экзамен – мы бунтовали, но сдавать пришлось, учили всю ночь, получила «хорошо» – лишили «Сталинской стипендии», меня спасал отец – мог помогать. На 2-м курсе к нам пришёл Ягодинский – настоящий учёный, с окладистой бородой, высокий, красивый. Он продолжал вести наш лингвистический кружок, но вскоре умер.

С 1949 г. я стала дружить с Лисовским Славой (с исторического ф-та), моим будущим мужем, с ним проводила всё свободное время, а Наташа – с Риной Олютиной, которая часто была без стипендии, и Наташа ей во всём помогала... Потом они потеряли друг друга, Наташа её долго искала, даже по интернету, но Рина уже умерла...

Мы работали на восстановлении послевоенного Пскова, рядом с пленными немцами. Конечно, в свой единственный выходной день. На копке картошки в совхозе «Диктатура», что в 10 км. от Пскова. Нам выдавали какие-то трофейные ботинки, и мы спозаранку тащились в совхоз, целый день копали картошку – и к ночи – опять домой. Однажды не знали, как дотащиться – невозможно устали. Тогда очень весёлая девушка Валя Лаберко, скомандовала: «Стройся! Запевай! «И мы грянули: «Шагал по Уралу Чапаев – герой»... и со свистом – дошли, благополучно. Мылись холодной водой, да ещё и на танцы...

У нас в институте были прекрасные тематические вечера, их устраивали по очереди разные факультеты. Новый год тоже встречали на вечере, приходили многие преподаватели. Много танцевали. Ходили в драмтеатр им. Пушкина (очень хороший театр), в кино. К выборам – мы все в агитбригадах, обязательно на демонстрациях. В общежитие возвращались только спать. Идти было страшно – темно, развалины – по одному не ходили.

Было ещё большое событие. В 1950 г. мы организовали экскурсию в Михайловское, Пушкинские горы, Тригорское, Были на могиле Пушкина. Ехали туда 150 км, в кузове грузовика. Мы встречались со знаменитым Гейченко, который был назначен директором разрушенного заповедника. Он – без руки, но сам помогал восстанавливать – во всём!...

В неустроенности быта трудно было с гигиеной, аккуратностью, но мы старались поддерживать чистоту во всём, хотя институтом жили с утра до позднего вечера ежедневно. Баня была очень далеко, но мы регулярно ходили, голову мыли в общежитии – всегда были с ухоженными волосами, в чистой одежде. Мы не ныли, не скулили, были энергичны, веселы. Главным для нас с Наташей была учёба, наука. Мы были трудолюбивы, целеустремлённы и вместе думали об аспирантуре. Наташа добилась этой цели! А мне «помешала» любовь: на выпускном курсе я вышла замуж, потом мои родители пригласили зятя к себе на лето, и я, конечно, поехала с ним, а не в Ленинград. Потом мы с мужем 4 года работали в деревне Псковской обл., в школе. А когда переехали в Минск, я пыталась поступить в аспирантуру в университет, но встретили меня, как чужака. На последний экзамен я уже не пошла – умер отец, мы остались неустроенными, без квартиры.

...Со студентами – псковичами мы общались мало, кроме Фриды Марат, которая воевала на фронте, вышла замуж за лётчика – он погиб, рос сын. Наташа бывала в их семье...

Переписку с Наташей мы восстановили в 50-летие нашего вуза, я – первым делом – к Софье Менделевне! Помню – привезла ей в подарок гречневую крупу, ведь был сплошной дефицит! И она мне рассказала про Наташу и дала её адрес. Так мы нашли друг друга снова!

...И ещё кусочек из письма Наташи П. Л. (1951 г.): началась серия отчётно-выборных собраний, в институте до позднего вечера, совсем нет времени для учёбы. Ни за что толком ещё не бралась, а семинары уже в разгаре. Главное – диалектология. Вытерпеть 2 недели. А там практика, колхозы, экзамены. Ох, горе. Но в комнате весело и дружно...

ЭТЮДЫ ЮНОСТИ

Лидия Николаевна Засорина-Попова

– доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета психологии СПбГУ.

Когда мы были... Это удивительные годы —1952 —1955.Посчитаем нумерологически: 8 – 20, итого 1. Я уже пользуюсь буквочётом.

Что такое 1? Это едИница, в переводе на русский *единит ся.

Так и запишем: нам было по 22—23 года. Самое время единить себя, выравнивать вертикаль жизни.

И какие же блистательные возможности открывались перед нами!

Закончилась первая семилетка после окончания Великой Отечественной войны = *победа! Вступили во второе десятилетие восстановительности. Тут, правда, уже было более «ударно» – умер И. В. Сталин, нам он был ОТЕЦ родной. Сердечный центр потрясен. Но подъемная волна вскоре выносит в Космос Ю. Гагарина!!! А он родился в г. Гжатске, и меня туда возила Наташа.

После окончания вуза, а Наташа после Псковского педагогического, приняли нас в аспирантуру. Помню, что я плакала, просила не зачислять меня на кафедру общего языкознания, ведь я русист. Но суждено было пройти по этому маршруту – защитилась в 1956 г. и работала по этому направлению в ЛГУ – до 1974 г.

А Наташу принял в свои руки профессор Б. А. Ларин. Он был кумиром не только русаков, но и всех филологов. Красивый, статный, высокообразованный по стандартам индоевропейской школы. Наследовал генетически духовную культуру – он из семьи священнослужителей (кстати, и академик В. В. Виноградов – также).

После разгрома марристов в 1953 г, к которому приложил руку Сталин, как известно, возник дефицит кадров среди лингвистов. Появилась аспирантура, приглашали молодых в эту сферу. Ларин как специалист по истории русского языка принял нескольких аспиранток по этой тематике. И Наташа рискнула. Думаю, что фундаментальной подготовки по этому предмету в Пскове не давали. Тему ей утвердили – «Язык сатирических повестей XVII века». И на протяжении последующих лет работы по диссертации легкий юмор всегда сопровождал ее разговоры по материалу исследования.

В первые годы аспирантуры мы очень сблизилась. Наташа часто бывала, и ночевала у меня на ул. Жуковского, в уютной 18-тиметровой комнате. Сколько было важнейших и интимных тем, бесед обо всем. Надо было открыть родные пенаты, близких родственников, места обитания, текущие контакты и проч. А общая линия аспирантских хлопот – зачеты, экзамены, сроки представления частей диссертации и т. д. Да еще мы были активистками. Я была секретарем аспирантского комсомольского бюро. Обе мы были членами партии.

Особые страницы бесед, конечно, касались самого, самого девического – влюбленности, первого большого чувства. Наташа была по уши влюблена в какого-то друга по Гжатску. Он отслужил на флоте. Конечно, был высоким, сильным, рослым. Среди ребят-юношей флот занимал первое место (тогда еще не было военно-десантных войск), и у девушек моряки были самыми модными героями.

Как-то не сложилось с первой любовью, и у меня, и у Наташи. Хотя эта романтика юности остается на всю жизнь в глубокой памяти.

А потом, по ходу «пьесы», мягко, и увлекательно сменился вектор влюбленности. Наташа сдружилась с Риммой Николиной (она тоже была крутой общественник, из семьи первого секретаря горкома г. Луги). Интересы переместились в аспирантское общежитие, в котором в те

годы было множество иностранцев. Со всех факультетов Ленинградского университета, в их числе и геологи. Римма вышла замуж на Сашу Игошина, а в его группе учился Франтишек Мрня.

Меня стали приглашать на Новый год в общежитие, я там уже чувствовала себя Золушкой. Веселье, жизнь кипела ключом. Были и поклонники.

Хорошо помню новогоднюю ночь на 1 января 1955 года. Наташа уже была «отдана» Франтишку. видно было по танцам. Она по внешнему складу, да и не только, отражала чисто русскую натуру. Фигура у нее выразительная – с тонкой талией, высокой грудью. Сама гибкая – как Рыба. И ведь Франт – тоже Рыба. Браки в таких парах всегда счастливые. Так и сложилась та ДВОИЦА в год Двойки (1955).

Мне было заметно, насколько поменялись образы героев в представлении Наташи. Франтишек – невысокого роста, кисть руки травмирована, но такой ласковый, внимательный, внутренне светлый, доброжелательный. А к русским особо благосклонный в те послевоенные годы.

И никакие материальные стеснения того времени не могли затмить счастья двух сердец, обреченных навеки своими душами. Это был рубеж нового периода жизни.

Наташе нелегко было начать расставание с родиной, Ленинградом, университетом. Помню ее слёзы и переживания по поводу того, что пришлось сдать в райком партийный билет. Единственно утешали слова Франтишка о том, что через пару лет границы СССР и Чехии будут сняты. Вот такой порыв мечты юношеской царствовал тогда в наших умах.

Так и завершился наш период аспирантуры – сложились молодые семьи. Тут уж простибельны задержки по срокам защиты диссертации. Наташа провела защиту уже в Пражском университете. Счастливо сложилась и ее филологическая карьера: она обучала русскому языку чехов. И настолько быстро и талантливо овладела чешским, что создала свою авторскую методику обучения, с учетом тонкостей чешского языка. И до последних дней пользовалась спросом на свои уроки. И не только среди богемистов, но и среди диспетчеров аэропорта.

Наша дружба после аспирантуры продолжалась по всем направлениям. Много фотографий осталось на линии детства – милейшие мордочки Павлика (названного в честь любимого шурина.) и Милана попали в наш альбом. И сколько впечатлений от поездок по миру – Франтишек работал и в Африке, и на Кубе. И Наташа раскрыла все свои материнские таланты любящей супруги, в счастливой межнациональной, славянской семье.

Но под сердцем была упакована Россия. Поэтому так много сил было отдано организации поездок в Прагу родственников, друзей. Сама она не мыслила себе отложить приезд к родителям, к сестре, которую очень любила (видимо, как вторую маму), в Питер, к подругам.

Удивительный природный дар общительности, дружеской эмпатии, сердечной теплоты отмечали все, с кем встречалась Наташа. Имя Натали (*родная) не случайно было выбрано родителями. Внешне она очень похожа на свою маму. А внутренне, и физиогномически – на отца. С него часто брала образец решения трудных вопросов жизни, социальных проблем, которые постоянно оставались в поле зрения. И, возможно, так и не были завершены до конца дней.

В целом облик моей самой сердечной подруги юности остается богатым кластером информации, говоря учеными терминами. Всё прожитое закреплено навсегда, с огромной благодарностью судьбе, с добрыми воспоминаниями и готовностью разворачивать производные веточки, оставленные Наташей в ее детях, родственниках, близких и не очень, её друзьях и знакомых.

2007 год – год прощания, завершения большого цикла жизни, не только в личном плане, но и в измерении планетарном. Вот почему мне так долго не удавалось написать и записать воспоминания о Наташе. Умом событий не понять, память хранит живое, меняются только временные вибрации. Прошлое, настоящее и будущее – единая троица, единит ся.

Слова несут энергемы смысла. Энергия отдается без возврата, но регистрируется в рекордах мира. Заканчиваю этот небольшой круг – душа с душою говорит.

22 декабря 2007 г.

Римма Петровна Игошина, Заслуженный работник культуры РСФСР.

В 1952—1955 гг. мы вместе с Наташей Орловой были аспирантками филологического факультета Ленинградского государственного университета. Наташа – на кафедре русского языка, я – на кафедре советской литературы. И проживали мы в одном общежитии на Мытнинской набережной, неподалёку от Университета. Но познакомились мы только на второй год занятий в аспирантуре, в которую Наташа поступила после окончания Псковского педагогического института, а я – после филфака ЛГУ.

На втором курсе аспирантуры, освободившись от комсомольской работы и сдав кандидатский минимум, я стала регулярно посещать Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова – Щедрина («Публичку», как мы тогда говорили) для работы над диссертацией и больше времени проводить в общежитии, ближе знакомясь со своими соседями. И тогда—то моя однокурсница, аспирантка кафедры общего языкознания Лида Попова (в замужестве Засорина) познакомила меня с Наташей.

Наташа так же, как и я, жила в комнате на четверых, и мы стали навещать друг друга. Вместе ходили на аспирантские собрания и другие мероприятия. Но чаще встречались в Публичке. Садись за один стол с настольными лампами под уютными зелёными абажурами и занимались каждая своей работой. Ходили вместе обедать в столовую библиотеки, а вечерами там же – пить чай. Наташа работала над темой о языке сатирических повестей русской литературы 17 века, а тема моей диссертации была посвящена особенностям поэзии периода Великой Отечественной войны.

Надо сказать, что работали мы очень старательно, просиживая часами над необходимой литературой, источниками, постоянно обращаясь к каталогам. Библиотека предоставляла для этого широкие возможности, и работать в ней было очень удобно. Но конкретно о содержании научных занятий друг друга мы знали мало, так как темы диссертаций у нас не имели никаких точек соприкосновения, и мы посещали обсуждения и заседания только своих кафедр. Знаю лишь, что работала Наташа над своей темой с увлечением и очень почитала своего научного руководителя профессора Бориса Александровича Ларина.

Вспоминая о работе в Публичке, нельзя не сказать добрых слов о её столовой в то время. За 3 рубля в ней можно было получить хороший обед, а за 5 рублей – очень хороший, просто замечательный. Но особенно нам нравились вечерние чаепития. В буфете стоял большой самовар, из которого приветливая, радушно встречающая всех буфетчица заваривала великолепный душистый чай с лимоном, а к чаю подавалась очень вкусная свежая булочка с марципаном. Всё это располагало нас к отдыху, к душевным беседам и способствовало всё нараставшему сближению. Библиотека и совместная жизнь в общежитии сдружили нас с другими нашими товарищами по аспирантуре: философами, филологами, юристами, восточниками... Вспоминаю сейчас Катю Панфёрову, Валю Алексееву, Сергея Катькало, Бориса Новикова, Николая Яшкина, Лилию Даниленко, Леонида Радека и других.

Говоря о нашей жизни в общежитии, надо сказать, что оно имело свою особенность. Вместе с нашими студентами и аспирантами в нём проживали иностранные студенты и аспиранты, главным образом – из стран Восточной Европы или, как тогда говорили, стран народной демократии: поляки, чехи, словаки, венгры, болгары, румыны, албанцы, но были также и немцы из ГДР и Западной Германии, были китайцы и корейцы. Например, в моей комнате во второй год занятий в аспирантуре вместе со мной проживали поляка Зося, немка Урсула и кореянка Ким Ден Сук. Жили мы очень дружно. Такая же обстановка была и в комнате Наташи. А у меня,

ещё до знакомства с Наташей, завязались дружеские отношения со студентами – геологами из комнаты 131. У моего однокурсника и приятеля Сергея Игошина я познакомилась с его братом Александром, студентом геологического факультета, а через него со всеми его соседями по комнате. Всего их было шестеро, но наиболее тесные дружеские отношения у меня установились с близкими Сашиними друзьями Виктором Головенком и Франтишком Мрня, студентом из Чехословакии. С Сашей и Франтишком мы были в близкой возрастной категории, они были старше своих соседей, Виктор был помоложе, но тянулся к старшим товарищам.

С Наташей наши отношения настолько окрепли, что мы решили на следующий третий год занятий в аспирантуре обязательно поселиться вместе. И случай помог нам получить комнату на двоих уже в конце второго учебного года. Это было, конечно, исключением, но, как говорится, повезло. А когда мы с Наташей вдвоём в одной комнате, перейдя на третий курс аспирантуры, друзья – геологи, ставшие студентами пятого выпускного курса, зачастили в наш уютный уголок.

Вечерами, после дневных занятий, мы стали всё чаще встречаться у нас за дружескими ужинами. Были они самыми простыми: отварная картошка (рассыпчатая – «имени Наташи» и немного недоваренная – «имени Риммы»), солёный огурчик, душистый свежий чёрный хлеб и пельмени. Кстати сказать, очень качественные, вкусные и дешёвые пельмени продавались тогда в городе, послужившие добрым подспорьем в питании, наверное, для многих студентов и аспирантов того времени. Но иногда Саша приносил от своей тёти великолепные домашние котлеты, которые она специально готовила для племянников, и сказочно вкусный компот с клюквой и пряностями. Появлялись на столе маринованные и солёные грибочки, которые собирал и готовил мой отец, заядлый грибник. Виктор спешил нас побаловать разносолами из Морозовки, после поездок туда к родным. На этих встречах за ужином всегда было очень весело, тепло и сердечно. Памятливый Виктор сыпал остроумными цитатами из просмотренных кинофильмов, мы с Наташей и книголюб Саша делились впечатлениями о прочитанном, Франтишек привлекал к себе всеобщее внимание своей душевной мягкостью и тонким юмором.

В ответ на наше гостеприимство друзья – геологи, имевшие абонементы в столовой Университета, приглашали нас туда на «званные обеды». А однажды прочитали в своей комнате для нас с Наташей своего рода лекции по минералогии с показом любопытных образцов. Постепенно весь свой досуг мы стали проводить вместе. Ходили в кино, в театр, и все знали, что любимая опера Наташи – «Травиата», а Риммы – «Евгений Онегин». Ездили за город в посёлок Антропшино к родителям Саши кататься на лыжах. Отмечали сообща дни рождения. Любили вместе гулять по городу, любуясь его достопримечательностями. Участвовали в праздничных демонстрациях в колонах Университета. Всегда при этом много фотографировались, а потом с увлечением проявляли плёнки и печатали фотокарточки.

Новый 1955 год мы встречали нашей дружной компанией в большой комнате студентов – геологов. Была украшена красивая ёлка и помимо застолья подготовлена развлекательная программа. Один из её номеров был такой: каждый старался изобразить полюбившегося ему литературного или театрального героя, принять соответствующую ему позу, а другие должны были отгадать, какой герой имеется в виду. Конечно, Наташа стремилась напомнить всем о вызывающей её расположение Виолетте, а я – о Татьяне Лариной. Были споры, насколько это нам удалось, но по проявленным потом фотографиям было достигнуто согласие, что что—то похожее получилось

Свою компанию мы очень ценили, дорожили ею и называли «наша дружная семья». Но постепенно в ней определились ещё более тесные линии притяжения: Наташа и Франтишек, Римма и Саша. А вот у Виктора, которого мы справедливо считали самым привлекательным среди нас, были только переживания. Он влюбился в студентку физического факультета Ляду Долгушеву, очень красивую девушку высокую, с выразительным лицом и изумительными

косами, но она не ответила на его чувство. Это казалось нам совершенно невероятным, и мы с Наташей даже встречались с этой девушкой для того, чтобы рассказать ей, какой наш Виктор хороший. А он действительно был ещё и умницей, по окончании Университета был рекомендован в аспирантуру, в своё время защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Но – увы! Вскоре Люда отдала своё сердце студенту из Румынии. А Виктор остался с нами, а мы – с ним. Рядом с Виктором оставалась и Галя Анастасенко, его добрый друг, которая всё чаще присоединялась к нашей дружной компании и надолго подружилась с Наташей и Франтишком.

В 1954 году вернулась в Ленинград из-за границы, из ГДР, моя близкая подруга по Университету Валя Ильина (Терещук), которая находилась там на преподавательской работе в Советской группе войск. Вернулась вместе с мужем, подполковником Советской Армии. Они тоже вошли в наш дружеский круг, бывали у нас, а мы – у них. Валя тоже стала преданным другом Наташи и Франтишка.

К весне, когда мы все завершали своё пребывание в Университете, отношения двух пар, Наташи и Франтишка, Риммы и Саши, настолько определились, что встал вопрос о свадьбах. Нельзя не отметить, что к Наташе и Франтишку судьба оказалась тогда благоприятной, ибо только незадолго до их знакомства были разрешены браки между нашими гражданами и иностранцами. А до этого разыгрывалось немало драм, когда близкие люди, полюбившие друг друга, вынуждены были расставаться, когда один из них возвращался к себе на Родину.

Регистрации браков и свадьбы состоялись у нас в мае 1955 года. Мы с Сашей в окружении друзей побывали в ЗАГСе Петроградского района 17 мая, а Наташа и Франтишек – 24—25 мая. Это двойное число возникло потому, что кто-то из них (кажется, Франтишек) в первый приход забыл в общежитии паспорт, и пришлось придти ещё раз, на другой день. Рядом с нами были друзья: «наша дружная семья», а также Лида Попова и Галя Анастасенко. Всё было просто и обыденно, без пышной церемонии, белых платьев, лимузинов и моря цветов. Но была радость, теплота и участие друзей, их сияющие глаза и добрые улыбки.

Моя свадьба была более массовой и шумной, так как рядом в Луге и Антропшино у нас были родители, а в Ленинграде добрые тётушки, которые помогли нам всё организовать. Свадьба состоялась в просторной квартире моих родичей, помимо родственников на ней было много студентов – геологов и аспирантов-филологов. Были, конечно, Наташа и Франтишек и все наши друзья.

У Наташи и Франтишка всё было скромнее. Помнится, что собрались мы у Наташиной тётки Нюры в небольшом дружеском кругу (*комната 12 м, в коммунальной квартире*). Помогали Наташе провести праздник её родственники – Ева Филипповна (свекровь сестры Ани) и её сын Гена (подросток). (*Наташа рассказывала, что мама – Ева Филипповна – продала на рынке вещи – одежду Франтишка, чтобы накрыть свадебный стол, а он благодаря её кулинарному таланту был достойным такого события.*) А самым лучшим подарком Наташе и Франтишку в этот знаменательный для них день были горячие и искренние пожелания большого семейного счастья от их преданных и любящих друзей. И надо сказать, что все эти пожелания сбылись. Наташа и Франтишек составили прекрасную пару, создали столь гармоничную семью, какие редко встречаются в современном мире. С какой любовью, вниманием, уважением и сердечностью на протяжении всей жизни относились они друг к другу! И как помогли им построить такую семью душевная мягкость, чуткость и удивительно тонкий юмор Франтишка, доброта, такт и умение Наташи строить отношения с людьми и поддерживать их долгие годы. Наташа и Франтишек смогли реализовать себя в жизни, вырастили двоих сыновей, обеспечили их всем необходимым, заботились о молодых семьях, о внуках. Прожили яркую, богатую событиями жизнь, побывали на Кубе, в Африке, во многих европейских странах. И никогда не забывали друзей, страну, где они познакомились и получили путёвку в совместную жизнь.

После свадеб мы поехали в гости к моим родителям в г. Лугу, в 142 км. от Ленинграда. Были там сердечные беседы за гостеприимным столом о видах на наше будущее, добрые нам пожелания. Стояла в Луге тогда прекрасная погода, и мы вчетвером отправились гулять в лес в окрестностях дома отдыха им. Воровского, хорошо мне знакомых. Природа создала там удивительно красивые и радующие глаз пейзажи. Уезжали из Луги просветлёнными, с добрыми надеждами на будущее.

Наташа и Франтишек уже вдвоём побывали у родителей Наташи в Гжатске. Знаю, что Наташина мама поначалу очень сокрушалась: как же это так, государство дало Наташе образование, А она поедет в другую страну (*кстати, Наташа ранее собиралась работать в Китае – учить русскому языку, влюбить в него детей и молодёжь. А любовь к Франтишку спасла ей жизнь: в этот период там обострились антисоветские настроения, пострадали наши специалисты*). Но Наташа оптимистично отвечала, что наши страны будут всё более сближаться, и границы уже не будут их резко разделять. Вначале так оно и было, но и, когда положение изменилось, до последних дней жизни Франтишка, жизни Наташи, не прерывалась их связь с родными и друзьями, которые оставались в России. Была постоянная переписка, были встречи в С.-Петербурге, в Ижевске, в Гагарине (Гжатске), в Москве и Праге. Наша с Вале́й Терещук поездка в Прагу к Наташе и Франтишку в 1989 году в памятные дни «бархатной революции» останется с нами навсегда. Несмотря на тревогу, связанную с происходящим вокруг, наши друзья уделили нам столько внимания, проявили столько тепла и заботы, что поездка стала для нас праздником. Они помогли нам глубже узнать и полюбить их Прагу.

Что касается наших диссертаций, то в отличие от меня Наташа, молодец, свою защитила, уже работая в Праге. А я смогла опубликовать по своей теме статью в Учёных записках Казанского педагогического института, но до защиты в силу ряда причин дело не дошло. Мы с Сашей после Университета уехали по его распределению в Тувинскую автономную республику и её столицу г. Кызыл, где Саша с рядом своих однокурсников работал в горной экспедиции, я преподавала в педагогическом институте. Через 7 лет мы вернулись в Ленинград, я нашла себя в издательской деятельности, а Саша продолжал работать геологом.

Если вернуться к теме «нашей дружной семьи» университетских лет, то Саша первым ушёл из жизни в 1987 году, затем ушёл Франтишек, потом – Виктор, и наконец – Наташа. Осталась только я. К счастью с 1991 года у меня есть надёжный друг и муж Куприященко Григорий Никитич, которого Наташа знала и с которым также была дружна. И последним аккордом этой темы для меня прозвучали глубоко тронувшие меня строки одного из недавних писем Наташи. В октябре 2006 года она писала мне: «...Ты ведь – это кусок, самый счастливый – моей жизни, поэтому тебя вспоминаю очень, очень часто, всё время. И в последние годы стала просматривать старые фотографии, а там опять – все мы, как мы говорили – наша семья. Как давно всё это было, но память держит всё, со всеми подробностями. И твоих родителей, и наши поездки в Лугу – всё очень ясно помню».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.